***Мартинович Г. А.* К проблеме методологии лингвистики** / Г. А. Мартинович // Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. 2. История, языкознание, литературоведение. – 1991. – Вып. 2. С. 49 –55.

Свойственное некоторым направлениям формализма и структурализма отношение к языку только как к некой объективной (самостоятельной и самодостаточной) системе знаков, существующей в языковом материале (совокупности текстов), влечет за собою использование и соответствующих методов его описания, при применении которых часто «объект вовсе не предопределяет точки зрения; напротив, можно сказать, что здесь точка зрения создает самый объект»[1]. В этом случае, по справедливому замечанию В. Н. Головина, изучение объекта подменяется изучением его конструктов, на основе тех или иных принципов, созданных самим же исследователем[2]. Такой подход к языковым явлениям в определенных случаях (особенно при описании формальной стороны языка) является вполне допустимым, а иногда (формализация в целях машинной обработки и т. п.) и просто необходимым, так как позволял и позволяет получать полезные практические результаты. В то же время нельзя не видеть, что к настоящему времени он во многом исчерпал свои возможности и в решении целого ряда существенных проблем объяснительного характера оказывается односторонним, ограниченным, а иногда и просто несостоятельным. Эта несостоятельность становится особенно заметной при переходе от изучения формальных лингвистических явлений к изучению их содержательных сторон (семантики, значения и т. п.). «Текст сам по себе», «текст как таковой» в этом случае оказывается просто научной фикцией. Напомним: «Существуют не какие-то витающие в воздухе языки, а только люди, одаренные языковым мышлением»[3].

---

[1] *Соссюр Ф. де*. Труда по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. С. 46.

[2] *Головин Б. Н.* Лингвистические термины и лингвистические идеи // Вопр. языкозн. 1976. № 3. С. 21–34.

[3] *Бодуэн де Куртенэ И. А.* Избранные труды по общему языкознанию. Т. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 181.

Поэтому постоянные обращения лингвистов к языковому сознанию, языковому чутью народа, к самому «духу языка» вполне закономерны.

Одно из распространенных проявлений ограниченности традиционной точки зрения на язык, на наш взгляд, — это неоправданное наделение его, казалось бы, верными со стороны отражения объективной действительности, но чуждыми естественной природе языка элементами и изучение уже не реального языка, а языка, самими исследователями так или иначе предварительно измененного. Однажды было сказано, что, для того, чтобы наиболее точно представить, как муравьи воспринимают рентгеновское излучение, надо самому стать муравьем. Но реально стать муравьем человек не может, а муравей не может осознавать, а следовательно, и изучать свои «ощущения». В аналогичной ситуации оказываются иногда и лингвисты: они и реальные носители языка, но в то же время уже и не рядовые, а обученные (т. е. воспитанные в том или ином лингвистическом направлении, той или иной лингвистической школой) его носители. И воспринимать свой родной язык так, как воспринимает свой вариант национального языка каждый его обычный носитель, они уже, по-видимому, не могут. Л. В. Щерба, как известно, настойчиво подчеркивал необходимость обращения лингвистов к собственному языковому чутью, языковому сознанию, не находя в таком обращении ничего предосудительного[4], и возражал против классификации слов «по каким-либо ученым и очень умным, но предвзятым принципам»[5]. К сожалению, это возражение ученого было услышано далеко не всеми. Однако на практике довольно часто, несмотря на всё разнообразие выдвигаемых исследователями принципов описания абстрактных языковых систем, отмечается стремление к изучению языковых фактов именно такими, какими они реально существуют в головах носителей языка. Это проявляется, например, в последовательном разграничении научного и бытового (формально-

---

[4] *Щерба Л. В.* О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. С. 24–39.

[5] *Щерба Л. В.* О частях речи в русском языке // Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. С. 64.

го, обыденного, обиходного, наивного) понятий, ближайшего и дальнейшего значений слова, в установлении семантических связей между отдельными значениями многозначного слова, деривационных отношений между производящей и производной основами, в разграничении живой и мертвой метафор и т. п.

Хорошо известно, что каждый язык по-своему отражает и преломляет предметно-смысловую область действительности[6]. Более того, можно сказать, что каждый язык, по-своему преломляя действительность, в определенной мере еще и «извращает» ее. Давно отмечено также, что это ни в коей мере не мешает вполне достаточному пониманию друг друга людьми, общающимися на таких наивных и «алогичных» языках, а скорее наоборот, придает этому общению очень яркий национальный колорит, позволяет увидеть не черно-белую, а красочную картину мира. Для нас, например, в повседневном обиходном общении действительно *встает* и *садится* (или *поднимается* и *опускается*) *солнце*, *стоит пепельница* и *лежит блюдце*, *просыпается деревня*, *бежит время* и т. д. Однако иногда исследователь, хорошо знающий объективную расстановку вещей в природе, не может примириться с этими «извращениями», с этой наивностью и алогичностью и начинает, так сказать, «научно» выпрямлять язык, достраивать и подстраивать его под «научность». Но фактически именно здесь и начинается действительное извращение реального языка, его естественной природы. Язык, несомненно, необходимо изучать таким, какой он есть — со всеми его «вывихами», «сдвигами», «изломами» и т. п., какими бы абсурдными они ни казались со строго научной (объективной) точки зрения на всю остальную окружающую действительность.

Вот несколько примеров.

Звук как физическое явление представляет собою колебания упругой среды, прежде всего воздуха. Но подойти с этой стороны к живой человеческой речи (устному тексту) — это действительно подойти к ней только с одной стороны, и далеко не с самой важной.

---

[6] *Шмелев Д. Н.* Принципы семантического анализа лексики. М.: Наука, 1973. С. 14; *Общее* языкознание: формы существования, функции, история языка. М.: Наука, 1970. С. 80.

Исследователи языка уже не раз задавались вопросом: почему говорящие люди не замечают реально существующих физических (акустических) различий между звуками и очень часто совершенно различные по своим характеристикам звуки принимают практически за один и тот же звук, идентифицируют их как одинаковые[7]. Но люди не замечают этих различий именно потому, что они их и (принципиально!) не должны замечать. Это дело приборов. Определяющим для реально общающихся людей являются не физический, а функционально-социальный и социально-психологический аспекты языковых явлений. Поэтому в физическом [Y] они всегда увидят для себя [X], если этот [Y] в силу тех или иных причин психологически (не физиологически!) воспринимается ими как [X][8]. Однако иногда исследователи языка не могут избавиться от иллюзии существенности фактического (физического, объективного) звучания, даже если оно действительно оказывается практически нерелевантным для реально общающихся на том или ином языке людей. Более того, попытки отхода от этой иллюзии нередко пресекаются под флагом борьбы с идеализмом[9]. Но никакого идеализма здесь, конечно, нет, а есть лишь реальные люди с их реальными психическими (т. е. идеальными) восприятиями. Называть же идеализмом изучение идеального (духовного) мира человека, реальных явлений его психики явно совершенно бессмысленно[10]. Другое дело дать объективную оценку самих этих идеальных (иногда и достаточно субъективных) восприятий. Сделать это помогают прежде всего психолингвистические эксперименты. Но даже априори можно, например, предположить, что большинством рядовых носителей рус-

---

[7] См., напр.: *Шаумян С. К.* Проблема фонемы // Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз. 1952. Т. XI, вып. 4. С. 324.

[8] Ср., например, фонетическую интерпретацию предударных гласных в словах *сам**а*** и *сом**а*** московской и ленинградской фонологической школами.

[9] *Бернштейн С. И.* Против идеализма в фонетике // Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз. 1952. Т. XI, вып. 6. С. 541–559.

[10] Т. П. Ломтев писал в 1970 году: «В настоящее время основное отклонение от марксистской теории познания связано с отрицанием существования идеального как отражения материального. Признание существования идеального как отражения материального, квалификация знаний, мыслей как идеальных образований признается субъективизмом» (*Ломтев Т. П.* Общее и русское языкознание. М.: Наука, 1976. С. 247–258).

ского языка фонетический облик слов *тата* [tátα] и *тятя* [t’át’α] различается не по качеству (твердости-мягкости) согласных [t] и [t’], как принято считать, исходя из заранее разработанной по определенным принципам схемы, а по качеству (степени продвинутости и подъема) гласных [a] и [ä], [α] и [‘α] — [tátα] и [t’ät’α]. Другими словами, дифференциальными, фонематически значимыми для неискушенных носителей языка, скорее всего, будут не согласные, а гласные в их реальном восприятии. Вполне вероятно также, что эти восприятия могут быть различимыми, например, у дошкольника и школьника, студента-филолога и нефилолога, у носителей разных вариантов национального языка и т. д. Но все это как раз и будет той языковой реальностью, которую надлежит изучать такой, какой она есть.

Следующий пример. Во многих учебниках по фонетике и фонологии говорится о непрерывности потока речи и о невозможности членения речи на отдельные звуки, но только на варианты фонем с функциональной точки зрения. Действительно, с естественнонаучной точки зрения на физические явления, с точки зрения акустики и т. п. какого-то отдельного, «стерильного» звука мы не найдем не только в человеческой речи, но и нигде в природе. В физическом мире нет и никаких четких границ между последовательными звуками. Никаких точных границ между отдельными звуками человеческой речи, взятыми в их последовательности, конечно, также не существует. Но не это главное. Ведь совершенно не случайно овладение именно членораздельной (!) речью стало одним из важнейших этапов в процессе становления человека — «человека говорящего», «человека мыслящего». Реальный общающийся человек наперекор е с т е с т в е н н о й природе в своем п с и х и ч е с к о м (не физиологическом) восприятии (в случае обращения к этой стороне языка) неизменно членит звучащую речь именно на звуки, на дискретные фонетические единицы. В этом прежде всего проявляется одно из чрезвычайно важных свойств человеческой психики: замечать главное, существенное, значимое и т. п. и не замечать (абстрагироваться от) второстепенного, несущественного, не имеющего значения (в данном случае — «тонкости» звуковых переходов между вариантами фонем).

Представление собственного звука для реальных людей в их обыденной жизни действительно существует. Лучшим естественным доказательством тому является возникновение на заре цивилизаций буквенного письма. Это свидетельствует только об одном: люди, начинавшие осознавать свой язык, начинали осознавать в речи отдельные звуки, начинали осознавать ее дискретность, членораздельность[11]. Не учитывать этого — значит уходить в область чистых абстракций, очень «научно» отрываясь от самого естества языка, от того, каким он реально существует в головах его «бесхитростных» носителей. И это с каждым днем становится все более понятным. Очевидно именно поэтому в указанных еще Л. В. Щербой трех аспектах фонетических явлений — акустико-артикуляционном, функциональном (фонологическом) и социальном (психологическом) — в наше время все больше внимания начинают уделять двум последним[12], т. е. происходит переориентация от изучения собственно физических явлений как таковых к изучению их лингвистических функций в процессе речевого общения людей и их психологического восприятия в тех или иных языковых коллективах.

Приведем пример из области морфологии. Л. Л. Буланин считает, что в понятии принадлежности (имеются в виду содержательные признаки притяжательных прилагательных), «несомненно, отражаются отношения собственности, свойственные и специфичные лишь для человеческого общества»[13]. Эти отношения проявляются в выражениях типа *Петин мяч* и *Петин портфель* и совершенно чужда выражениям *Петин дом*, *Петина комната*, *Петин голова*, а тем более сочетаниям *волчья нора*, *волчья шкура*, где речь идет о «норе, в которой жил (живет) волк, о шкуре, находящейся на волке»[14]. Конечно, со стороны

---

[11] Ср. запись «непрерывной» музыки («музыкальной речи») при помощи «прерывных» нот и т. п.

[12] *Бондарко Л. В.* Звуковой строй современного русского языка. М.: Просвещение, 1977; *Бондарко Л. В.* Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1981.

[13] *Буланин Л. Л.* Трудные вопросы морфологии. М.: Просвещение, 1976. С. 77.

[14] Там же.

научного взгляда на действительность (не на язык!) все это абсолютно верно. Бессмысленно говорить о «голове, принадлежащей Пете», или о «шкуре, принадлежащей волку» (впрочем, «находящейся на волке» нисколько не лучше). Но все это вовсе не бессмысленно с точки зрения нашего «наивного» языка, совершенно реального в этой своей наивности. У реального языка свое особое царство, в котором хорошо уживаются явления, казалось бы, не совместимые в объективной действительности. Обусловлено это всем ходом его исторического развития[15]. Весьма существенно также, что речь в данном случае идет прежде всего о грамматической категории притяжательности, а не об отношениях в мире вещей, людей и животных. Здесь, как это уже не раз было убедительно показано различными исследователями[16], нет и не может быть прямых и однозначных соответствий, так как это хотя и взаимосвязанные (одно является отражением другого), но принципиально разные явления.

Особенно заметной, как уже отмечалось, несостоятельность прямолинейно-логического подхода к языку человека становится в случае формализации, структурализации и т. п. его содержательной стороны (семантики, смысла, значения и т. д.).

Необходимость формализации семантики обычно объясняют стремлением избавиться от субъективных моментов исследования, желанием придать получаемым моделям лингвистического объекта более структурированную форму, применить математические методы описания и т. п. В связи с этим обычно ставится задача «не обращаясь к анализу значения, выявить связи слов и соот-

---

[15] О прочном сохранении в языке «очень архаичных моделей миропонимания» см.: *Денисов П. Н.* Проблема значения слова в связи с моделированием языка // Проблема значения в лингвистике и логике. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1963. С. 41.

[16] *Кацнельсон С. Д.* Содержание слова, значение и обозначение. М.; Л.: Наука, 1965.

ветствующие группы слов»[17] или «исследовать внутренние свойства языковых единиц без прямого обращения к их (единиц) содержанию»[18] и т. п.

В отечественной науке хорошо известны работы в этом направлении А. К. Жолковского, И. А. Мельчука, Ю. Д. Апресяна, Ю. Н. Караулова и др.[19] Так, например, Ю. Д. Апресян считает, что «задача исследователя, поставившего себе целью создание теории, состоит именно в том, чтобы формализовать наши первоначально интуитивные знания об объекте», и что «только формальная теория допускает экспериментальную проверку и однозначную передачу наших знаний другим лицам»[20]. Признавая полную правомерность формального подхода к языковым явлениям в определенных случаях, необходимо в то же время напомнить о том, что формализовать (а следовательно, и описать математически) можно лишь то, что принципиально подлежит формализации, а именно саму форму (структуру). Исходя из признания сложного диалектического единства формы и содержания, мы, несомненно, должны признать и возможность исследования содержательной стороны языка путем исследования его формы: знания о форме должны дать какие-то знания и о содержании. Однако не следует забывать, что анализ содержания через анализ формы — это лишь один из возможных способов его (содержания) анализа, и способ не основной, а вспомогательный: «Любая формализованная теория беднее соответствующей ей содержательной теории: выигрывая в точности, она достигает этого за счет сознательного отвлечения от многих сторон рассматриваемого содержания»[21]. Неоправданная абсолютизация и универсализация формальных методов находят, на-

---

[17] *Шайкевич А. Я.* Распространение слов в тексте и выделение семантических полей // Иностр. языки в высш. школе. 1963. Вып. 2. С. 15.

[18] *Плотников Б. А.* Дистрибутивно-статистический анализ одной лексической группы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1971. С. 3.

[19] Критическое рассмотрение основных положений этого направления см.: *Котелова Н. З.* Значение слова и его сочетаемость. Л.: Наука, 1975; *Колшанский Г. В.* Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М.: Наука, 1975.

[20] *Апресян Ю. Д.* Идеи и методы современной структурной лингвистики. М.: Просвещение, 1966. С. 15–16.

[21] *Краткий* словарь по философии / под общ. ред. И. В. Блумберга, И. К. Пантина. 4-е изд. М.: Политиздат, 1982. С. 370.

пример, отражение в чрезвычайно обедненной, по нашему мнению, интерпретации понятия «смысл» в ряде формально-семантических исследований.

В основе целого ряда формально-структурных описаний языковой семантики лежит признание того факта, что, по словам И. А. Мельчука, «е с т е с т в е н н ы й язык — это особого рода преобразователь, выполняющий переработку заданных смыслов в соответствующие им тексты и заданных текстов в соответствующие им смыслы» [22]. При этом:

1. Смысл недоступен в прямом наблюдении.

2. Смысл есть некий конструкт.

3. Чтобы со смыслом можно было обращаться в рамках научного исследования, мы должны уметь его описывать на некотором формальном языке.

Сходных взглядов придерживается и Ю. Д. Апресян: «Говоря о разных способах выражения одной и той же мысли, или о семантическом тождестве внешне различных высказываний, мы имеем в виду, что существует некий не данный нам в прямом наблюдении с е м а н т и ч е с к и й язык, или „язык мысли“». Поэтому «производство осмысленного предложения можно представить как перевод с семантического языка на естественный, а понимание предложения — как перевод с естественного языка на семантический»[23].

Всё это приводит авторов отмеченных работ к признанию абсолютной смысловой тождественности синонимических выражений типа: *эта мысль приводит его в ужас (трепет), наводит на него ужас (страх)*; *при (от) этой мысли он приходит в ужас, испытывает ужас* (*страх, трепет*) и т. п. Полностью тождественными по смыслу признаются также естественные высказывания и их формальные преобразования на искусственный семантический язык. Например: «Косте удалось победить (X-а в U)» и «этот мужчина по имени Костя каузирует действовать (т. е. пускает в ход) У, являющийся его ресурсами, с целью победить X-а в U, и это — наряду с Z , не зависящем от Кости, — каузирует победу

---

[22] *Мельчук И. А.* Опыт теории лингвистических моделей «смысл ↔ текст». М.: Наука, 1974. С. 9.

[23] *Апресян Ю. Д.* Указ. соч. С. 253.

Кости, которая имеет место однократно до момента речи» [24] [Мельчук, 1974, с. 31, 67]. Употребление идиоматичного и, по существу, не переводимого на другие языки глагола *подмывать* в предложении *Его так и подмывало спросить, где же Иван был раньше* преобразуется Ю. Д. Апресяном на семантический язык следующим образом: «Внутренний фактор каузировал X-а хотеть сделать (точнее: исполнить «хотение». — *Г. М.*) B, и X с трудом каузировал себя воздерживаться от B»[25]. Однако именно с м ы с л ы таких, например, выражений, как *он хотел пойти в кино*, *ему хотелось пойти в кино*, *он стремился пойти в кино*, *его подмывало пойти в кино*, *он желал пойти в кино* и т. п. являются различными и в целом неповторимыми (уникальными). Каждая из этих фраз выражает именно то, что только она одна должна и может выражать: *мне хотелось* — это и есть ‘мне хотелось’, а *меня подмывало* — это и есть ‘меня подмывало’ и т. п. А еще точнее, каждая фраза (высказывание) выражает только то, что она и только она должна выражать в той или иной конкретной ситуации. Утверждение семантического тождества (т. е. равенства при всех условиях) синонимичных словесных преобразований вольно или невольно ведет к необходимости признания раздельности, некоего параллелизма и т. п., а не диалектического единства формы и содержания. Каждый смысл существует в нас не сам по себе, он сформирован при помощи языка и существует в языке (в языковом оформлении). Так, например, выражение *меня подмывало* (сделать что-нибудь) значит для нас ‘меня подмывало’ именно потому, что это его значение сформировано в сознании носителей языка всем опытом их жизни совместно и неотделимо от всего их языкового опыта, т. е. от опыта встреч с данным выражением в процессах реального речевого общения людей, а следовательно, с коллективным опытом предшествующих и нынешних поколений. Словом, это значение неотделимо от всего культурно-исторического опыта народа.

Исходя из признания тождественности, абсолютного равенства семантики левой (значение толкуемого слова) и правой (значение самого толкования)

---

[24] *Мельчук И. А.* Указ. соч. С. 31, 67.

[25] *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика (синонимические средства языка). М.: Наука, 1974. С. 108.

сторон толкового словаря, исследует семантические связи слов Ю. Н. Караулов. Так, еще в 1976 г., отказываясь от не удовлетворившей его идеи создания «искусственных семантических языков», но не от идеи анализа по семантическим множителям, он предлагает, по его мнению, более «естественный» способ определения этих множителей, а именно: понимать под семантическими множителями всякие полнозначные слова, использованные в правой частя (на «выходе») толкового словаря»[26]. В более поздней работе Карауловым утверждается необходимость расценивать в качестве семантических множителей «всякое слово на выходе (в дефиниции) толкового словаря. Тем самым два слова считаются связанными друг с другом, если имеют хотя бы один общий семантический множитель (компонент)»[27]. На этой основе и был создан вышедший в 1982 г. «Русский семантический словарь», произведенный, как сказано его авторами, «обыкновенной, хотя и умудренной хитроумными программами электронно-вычислительной машиной»[28]. Недостатки (как и определенные достоинства) этого словаря хорошо известны. По нашему мнению, истоки большинства из них кроются прежде всего в ложности самой основной посылки: левая сторона словаря = правая сторона словаря. А это, естественно, разрушает и все дальнейшие построения. Толкование значения в словаре вовсе не есть само это значение. Оно для этого просто не предназначено, это не его функция. Поэтому толкование не заменяет значение слова и не идентично ему как по о б ъ е м у (количеству признаков, «семантических множителей», «компонентов» и т. п.), так и (что значительно важнее!) по к а ч е с т в у и х с о д е р ж а н и я (семантике). Словарное толкование даже описательного типа только указывает на значение толкуемого слова с той степенью точности, определенности, которых достаточно для «опознания» этого значения рядовым носителем языка.

---

[26] *Караулов Ю. Н.* Общая и русская идеография. М.: Наука, 1976. С. 181–182.

[27] *Караулов Ю. Н.* Частотный словарь семантических множителей русского языка. М.: Наука, 1980. С. 5.

[28] *Русский* семантический словарь: опыт автоматич. построения тезауруса: от понятия к слову / отв. ред. С. Г. Бархударов. М.: Наука, 1982.

Еще раз подчеркнем, что значение каждого слова есть, так сказать, прерогатива самого этого слова, выражается и передается т о л ь к о этим словом и полностью равноценных эквивалентов практически никогда не имеет (весьма немногочисленными дублетными наименованиями можно, конечно, пренебречь).

Поэтому любые перифразы могут лишь с большей или меньшей точностью у к а з ы в а т ь на значения перифразируемых слов и выражений, но н е з а м е н я т ь эти значения в их полном объеме. Поэтому же между правой и левой сторонами толковых словарей никогда не может быть поставлен знак равенства.

Истоки подобной приведенным выше примерам неправомерной «логизации» (онаучивания) языка, а также неуместного и необдуманного применения формально-структурных методов его исследования заключаются, как уже отмечалось, прежде всего в признании существования языка только в материальной форме (т. е. в понимания его исключительно как некой самостоятельной объективной сущности, независимой от человека языковой системы и т. п.) и в скептическом отношении (или же полном неприятии) к языку во второй (идеальной) форме его существования. Из этого закономерно следует, что язык необходимо изучать точно так же, как и все остальные природные явления: звезды, атомы, минералы, растения, животных и т. д. А это уже относится к самим м е т о д о л о г и ч е с к и м основам лингвистических исследований и проявляется прежде всего в вульгарно-прямолинейном привнесении методов естественных и «точных» наук в гуманитарную область знаний, а иногда и в полной подмене одних методов (гуманитарных наук) другими (методами точных и естественных наук). Однако в гуманитарной области действительности, как известно, властвуют свои собственные, неповторимые и не воспроизводимые в других ее областях законы, предопределяющие и свои собственные методы изучения этой области.

Наука едина[29]. Частные науки — различны. Различны и совокупности методов (методологии), применяемых в отдельных науках. И в этом нет никакого противоречия, а есть реальная диалектика. Поэтому широко распространенное требование «поверить алгеброй гармонию» является всего лишь результатом казуистики и словесных передергиваний. А. С. Пушкин словами Сальери утверждает именно несостоятельность и примитивизм деятельности подобного рода: *Ремесло поставил я подножием искусству; Я сделался ремесленник: перстам Предал послушную сухую беглость И верность уху. Звуки умертвив, Музыку я разъял, как труп. Поверил Я алгеброй гармонию*.

В то же время несколько прямолинейный естественнонаучный подход к «речевой деятельности» отмечается и в некоторых психолингвистических исследованиях, хотя явления психического (идеального) уровня (языковое сознание, языковая способность, языковая компетенция и т. п.) занимают одно из центральных мест в психолингвистике. При этом идеальное либо вообще изгоняется из научного обихода, либо растворяется в материальных явлениях, а все процессы речевой деятельности сводятся непосредственно к различным видам движения материи — от энергетического до нейронного, кинематического, звукового и т. п. В этом случае общающиеся люди (к сожалению, как правило, не наоборот) уподобляются техническим устройствам различной степени сложности (передатчикам, приемникам и т. д.), не генерирующим в речемышлении новую, а лишь обменивающимся уже заранее готовой информацией, а еще точнее, как принято утверждать в этих исследованиях, возбуждающим друг в друге при помощи соответствующих звуковых сигналов («тел знаков») аналогичные, заранее существующие в сознании людей смыслы[30]. О неправомерности подобного рода разрыва формы и содержания уже говорилось. Кроме того, при таком подходе выработка самих смыслов, получение нового знания и т. п. непо-

---

[29] *Дмитриев П. А., Мокиенко В. М., Сафронов Г. И.* Основоположники марксизма-ленинизма и славянское языкознание: учеб. пособие. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. С. 54–66.

[30] *Сахарный Л. В.* Введение в психолингвистику. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. С. 13–23; *Лингвистическая* прагматика и общение с ЭВМ / отв. ред. Ю. Н. Марчук. М.: Наука, 1989. С. 5–34.

с р е д с т в е н н о в процессах речемышления и коммуникации ставятся под большое сомнение. Речевое общение людей, несомненно, происходит на основе различных видов движения материи, но оно не суть сами эти движения. Речевое общение людей в процессе их той или иной деятельности есть качественно особый уровень коммуникации — уровень о б м е н а собственно с о д е р ж а н и я м и (смыслами) в виде звуков (воплощенными в звуки), а не звуками как таковыми, лишь возбуждающими соответствующие смыслы. Такова собственно психологическая реальность речевого общения и, очевидно, именно она в первую очередь должна стать предметом науки, называющей себя психолингвистикой. Тезис «идеальное исчезло», в той или иной форме все чаще начавший звучать в конце XX в., по-видимому, ничуть не более перспективен, чем тезис «материя исчезла», настойчиво утверждавшийся в конце XIX в.

Особенно ясно «исчезновение идеального» прослеживается в трудах представителей естественных наук, занимающихся изучением явлений, связанных с «речевой деятельностью» (см., например, исследования группы Н. П. Бехтеревой). В подобных работах человек также обычно превращается в сложную биохимическую и биофизическую машину, а вся его речемыслительная деятельность сводится лишь к соответствующим материальным процессам. Известно, однако, что мыслят не сами биохимические и биофизические процессы, не мозг человека сам по себе (мозг «в человеке») и даже не само мышление, а лишь сам человек на основе биохимических и биофизических процессов, л и ч н о с т ь при помощи мозга (рассуждая, думая, обмениваясь мыслями и чувствами и т. д., и т. п.). И мыслит каждая нормальная личность не при помощи левого или правого полушария мозга, передних (лобных) или задних (затылочных) его долей, коры или подкорки и т. п., а при помощи мозга во всей его целостности, включая, очевидно, и периферийную нервную систему. Словом, и речемыслительная, и коммуникативная деятельности осуществляются самой личностью, а не участвующими в этих деятельностях органами.

Конечно, не учитывать все разнообразные явления, имеющие отношение к речевому общению, исследователь языка не может и не должен. Все дело в

соблюдении необходимых пропорций, расстановке нужных акцентов, в отделении главного, существенного от второстепенного и малосущественного в каждом конкретном случае. Лингвисту можно и нужно изучать абстрактные языковые системы, собственно акустические свойства человеческой речи и нейрофизиологические процессы речевой деятельности, сами явления объективной действительности, находящие отражение в языке, и т. д. Но каждое такое изучение, проводимое с определенной целью, с одной стороны, будет неполным, частным, односторонним и ограниченным изучением, а с другой (что гораздо важнее) — оно лишь в незначительной мере затронет существенные стороны собственно самого языка (хотя и может быть полезным в каких-то других отношениях). К тому же, как писал Ф. де Соссюр, «неизвестно, каким образом всему этому можно сообщить единство»[31]. Это единство, по нашему мнению, следует искать не в абстрактных языковых системах, на основе самых разных принципов конструируемых учеными («столько лингвистик, сколько лингвистов» — А. Мейе), а в реальном отношении носителей языка к речевым фактам, в реальном восприятии ими этих фактов, т. е. его следует искать на собственно п с и х о л о г и ч е с к о м (не «ниже» — нейрофизиология и т. п. и не «выше» — механика и т. п.) уровне[32]. Единственным подлинным потребителем и творцом языка является сам народ — и его «мастера», и его «подмастерья». Но и потребляет, и пользуется, и творит свой язык народ во многом, хотя, конечно, и не во всем (существует еще, к примеру, сознательно-нормализаторская деятельность лингвистов и т. п.), на основе своего собственного восприятия (осознанного и неосознанного) этого языка и его отдельных явлений, своего реального отношения к ним. То есть каким народ воспринимает свой язык в речи, текстах, таким он и отражается в сознании. И наоборот, каким отражается в сознании людей, таким он и воплощается, реализуется ими в речи, учитывая,

---

[31] *Соссюр Ф. де.* Указ. соч. С. 48.

[32] «…Хорошее психологическое описание данного языка в данный момент времени само по себе способно дать понятие о ближайшем его прошлом и возможном будущем» (*Щерба Л. В.* Восточнолужицкое наречие. Т. 1. Пг.: тип. А. Э. Коллинс, 1915. С. XIX).

конечно, творческий характер самой «речевой деятельности». Поэтому очевидно, что плодотворное изучение подлинной сущности языка во всей его конкретности (а время для движения, «восхождения» от абстрактного к конкретному в языкознании, по-видимому, уже наступило) совершенно неотделимо от изучения сущности самого человека, человеческой личности. В связи с этим на первый план выдвигается задача проверки «психологической реальности лингвистических моделей» (Дж. Миллер), выяснения «отношения между системой языка (языком как предметом) и языковой способностью» (А. А. Леонтьев). Поэтому системно-структурные исследования языка, проводящиеся на базе «языкового материала», непременно должны проходить проверку «на реальность, достоверность» (на отсутствие искусственности построения, конструируемости, умозрительности и т. п.) в исследованиях «языковой способности», осуществляемых прежде всего с помощью психолингвистических экспериментов. И наоборот. В идеале результаты тех и других исследований не только не должны мешать друг другу, а тем более исключать друг друга, но они должны взаимно проверять достоверность друг друга, дополнять, уточнять и обогащать друг друга, а их результаты — обобщаться и затем подвергаться всестороннему анализу. Именно таким, как представляется, должен стать на современном этапе развития лингвистической науки сложный и противоречивый путь объективного познания этого совершенно феноменального явления — человеческого языка.